

ИСТОРИОГРАФИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 1(091)

doi: 10.26907/2541-7738.2022.6.139-152

Н.Я. ДАНИЛЕВСКИЙ И М.Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН О РОССИИ И ЕВРОПЕ

Ю.А. Мартынова, Д.Е. Мартынов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассмотрены публицистические эссе М.Е. Салтыкова-Щедрина из романов «Господа Головлёвы» и «За рубежом» в контексте теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского. Оба этих писателя могут быть определены как религиозные, при этом Н.Я. Данилевский считал возможным доказательство божественного начала в природе методами естественных наук. Попытка России присоединиться к Европе, в понимании Н.Я. Данилевского, приведет только к отказу от политической самостоятельности, «крепости, цельности и единства государственного организма». М.Е. Салтыков-Щедрин, глубоко зная «изнутри» современные ему Германию и Францию, также выстраивал типологию образа жизни и культуры Европы и России, однако осмысливал их сатирически в форме «философской буффонады». Рассуждения М.Е. Салтыкова-Щедрина об отсутствии собственной системы воспитания молодого поколения в России и негативизме «европейничания» вполне соотносимы с интеллектуальными построениями писателей его собственного и последующего поколений, таких как И.А. Гончаров, В.В. Розанов и относительно маргинальный В.Г. Янчевецкий. Как и Н.Я. Данилевский, М.Е. Салтыков-Щедрин отрицал так называемые общечеловеческие ценности, исходя из глубочайшей культурной обусловленности образа жизни и политической системы.

Ключевые слова: интеллектуальная история, история России XIX в., цивилизационный подход, Россия и Европа, Н.Я. Данилевский, М.Е. Салтыков-Щедрин

Вводные замечания

В настоящем исследовании предпринята попытка совмещения микроисторического подхода и *case studies* на материале произведений двух русских мыслителей, парадигмальные основания понимания которых в современной историографии едва ли не противоположны. Корректность сопоставления трудов Н.Я. Данилевского и М.Е. Салтыкова-Щедрина представляется нам очевидной ввиду близости социального происхождения обоих авторов, их политических взглядов и обстоятельств жизни в одной эпохе. Не следует забывать и о литературоцентризме русской культуры, в которой беллетристика заменяла и отчасти замещала философию. Совершенно иначе сложилась ситуация в историографии. М.Е. Щедрин еще при жизни оказался в ряду первостепенных русских

классиков, однако и в досоветском, и в советском «каноне» ему была отведена роль эталонного сатирика эпохи Великих реформ и реакции XIX в. Результат оказался удручающим.

В «Грасском дневнике» Г.Н. Кузнецовой (запись от 5 июля 1929 г.) описана беседа с бывшим русским послом в Испании А.В. Неклюдовым (фамилия практически толстовская), который, рассуждая «о положении в России», прямо заявил, что «Россия была испорчена литературой... Ведь все общество жило ею и ничего другого не желало видеть. Ведь даже погода в России должна была быть всегда дурной, по мнению писателей. ...У Щедрина во всех его сочинениях ни разу нет солнечного дня, а всё: “моросил дождик”, да хмуро, да мерзко. И что же? Просмотрели всего Щедрина – так и оказалось!» (Г.Д., с. 123–124). Непосредственной проверкой данного утверждения – в контекстуальном измерении – занялся современный литературовед С.Ф. Дмитренко: «Любое обобщение, прикладываемое к тонким материям творчества, да и к самой стране России, не очень дорого стоит. Автор этих строк тоже просмотрел всего Щедрина. И не только сочинения, но и письма. **Так не оказалось!** А оказалось, что никакого особого “критического” или, тем более, “сатирического” отношения к погоде у Салтыкова не было»¹ [1, с. 472]. Это отличная иллюстрация общего отношения к М.Е. Салтыкову-Щедрину в критике на протяжении более ста лет. В трактовке С.Ф. Дмитренко восприятие «погоды» служит наглядным подтверждением того, что *сам климат* восприятия произведений М.Е. Щедрина «никак нельзя назвать благоприятным». Достаточно сказать, что и в XXI в. в средней школе традиционно «проходят» щедринские сказки, представляемые как одна из главных вершин его творчества [1, с. 472]. В 30-е годы XX в. определяющим оказался факт, что брата В.И. Ленина – Александра Ильича Ульянова – принимали в доме М.Е. Салтыкова, и это, вероятно, затмило (возможно, навсегда) в глазах современников и потомков восприятие его как оригинального религиозного мыслителя и отчасти пророка. Эта последняя роль в рамках того же школярского «канона» досталась Ф.М. Достоевскому [2, с. 79–80; 3, с. 40–41].

Посмертная судьба Н.Я. Данилевского оказалась много хуже. Бесспорно, трактат «Россия и Европа» (Р.Е.) придал импульс развитию русской общественной мысли, которая в терминологии В.В. Зеньковского являлась «сплошь историческою». О том же свидетельствовал Н.А. Бердяев, который в своем «Смысле истории» прямо заявил, что «наше национальное сознание» формировалось «на построениях философии истории» (цит. по [4, с. 9]). Однако в XIX в. Н.Я. Данилевский не сделался «властителем дум», о его трактате высказывались немногие современники, правда, уровня Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.Н. Страхова, К.Н. Леонтьева, В.В. Розанова [4, с. 10]. В следующем столетии он оказался востребован на Западе, сделавшись предшественником цивилизационного подхода О. Шпенглера, П. Сорокина, А. Тойнби [4, с. 10–12]. В известном смысле «забвению» Н.Я. Данилевского способствовали В.С. Соловьёв и П.Н. Миллюков, который в статье «Разложение славянофильства. Данилевский, Леонтьев, В. Соловьёв» отнес всех перечисленных к представителям «разложившегося» славянофильства (см. [4, с. 403]). Лишь в 90-е годы XX в. «обратным рикошетом»

¹ В оригинале слова, выделенные здесь полужирным шрифтом, приведены *курсивом*. Сохранена авторская пунктуация С.Ф. Дмитренко.

с Запада к наследию Н.Я. Данилевского обратились отечественные исследователи-историки, так и не вернув его в актуальную историографическую повестку, неотделимую от политической. Н.Я. Данилевский является цитируемым автором в кругу неославянофилов (переиздание его трактата «Институтом русской цивилизации» само по себе показательно), то есть в полумаргинальном для современной мысли поле.

Последнее является еще одним основанием для сопоставления творчества Н.Я. Данилевского и М.Е. Салтыкова-Щедрина. Если первый воспринимался в советское время исключительно как «идеолог панславизма» (по определению Е.Б. Рашковского) [5], то и второй не избежал истолкования лишь в связи с прошедшими историческими событиями либо же меняющейся «злостью дня» [2, с. 80].

О методологии

Вопрос об отношении Запада к России оказывается злободневным с завидной регулярностью, приблизительно совпадающей со сменой поколений политического истеблишмента в Европе. Именно данный сюжет в текстах Н.Я. Данилевского и М.Е. Салтыкова-Щедрина и будет нас интересовать. Задавать контекст будет трактат «Россия и Европа» как претендующий на академическую аналитичность.

Романы М.Е. Салтыкова-Щедрина мы рассматриваем с позиции интеллектуальной истории, а не истории литературы или литературоведения. Обоснование выбора наравне с книгой «За рубежом» (З.Р.) именно романа «Господа Головлёвы» (Г.Г.) требует комментария. Мы совершенно солидарны с С.Ф. Дмитренко в том, что поэтика² М.Е. Салтыкова-Щедрина – одна из самых свободных в русской литературе, зачастую мало соотносимая с его собственными критическими и теоретическими декларациями. Поэтому С.Ф. Дмитренко обозначал жанровую форму «За рубежом» как *философскую буффонаду*, исходя из того, что основа повествования здесь не аналитическая, а беллетристическая [1, с. 425–426]. Насколько нам известно, роман «Господа Головлёвы» вообще не рассматривался в европейском контексте, не говоря уже об использовании его как источника по интеллектуальной истории России 70-х годов XIX в. Между тем основания для этого существуют. Как известно, роман «отпочковался» от художественно-публицистического цикла «Благонамеренные речи», сохранив концептуальность. В жанровом отношении сам автор характеризовал свое творение как «общественный роман» (Г.Г., с. 654). С.Ф. Дмитренко вскрыл неочевидную связь «Господ Головлёвых» со знаменитым циклом А.Н. Энгельгардта «Письма из деревни» (И.Д.), в том числе «по родственной линии»: их автора можно назвать двоюродным свояком М.Е. Салтыкова – женой А.Н. Энгельгардта была кузина по отцу жены писателя – Елизаветы Аполлоновны Салтыковой ([1, с. 401–402]; также см. (И.Д., с. 615–616)). «Деревенский» пласт творчества обоих писателей-публицистов надлежит разрабатывать отдельно. Вместе с тем, насколько мы можем судить, никто не проводил параллелей между вставными публицистическими

² В данном контексте мы имеем в виду историческую поэтику А.Н. Веселовского, которая существует в системе контекстуальных связей и исследуется с применением генетического метода (Юрченко Т.Г. Историческая поэтика: проблемы изучения и перспективы развития: аналит. обзор. М.: ИНИОН РАН, 2022. С. 7).

фрагментами очерка «Семейные итоги» (Г.Г., с. 101–106) и картинами Обломовки из английской главы художественного травелога И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» (Ф.П., с. 49–54), которые имеют прямое отношение к тематике нашего исследования.

Пророческий позитивизм Н.Я. Данилевского

Несмотря на велеречивость, для читателя 2022 г. трактат «Россия и Европа», вероятно, будет являться более актуальным, чем для современников Н.Я. Данилевского. К сожалению, эта актуальность сугубо политического, а не академического характера: «Несомненно, что общечеловеческая цивилизация, – если только европейская есть действительно единственно возможная цивилизация для всего человечества, – неизмеримо бы выиграла, если бы вместо... славянского народа, занимающего теперь Россию, было тут пустопорожнее пространство, по которому изредка бы бродили кое-какие дикари» (Р.Е., с. 80). Совершенно не случайно, что в главе, название которой содержит вопрос: «Цивилизация европейская тождественна ли с общечеловеческой?», Н.Я. Данилевский вводит понятие «этнографического материала» и рассуждает о тройственной исторической роли всякого народа³ (Р.Е., с. 112). Принципиально важным в данном контексте является то, что подобные построения, будучи сами по себе продуктом длительного интеллектуального развития, принадлежат равно к доменам науки и искусства, в интеллектуальном смысле – позитивизма и романтизма.

В годы интеллектуального становления Н.Я. Данилевский увлекался теориями Ш. Фурье с присущими тому сложными классификационными схемами [6, с. 37–46]. По мысли С.И. Бажова, на следующем этапе своего развития, который длился с 50-х годов XIX в. до самой его кончины, Н.Я. Данилевский осуществлял синтез христианского (православного) мировоззрения с естественными науками. Иными словами, Н.Я. Данилевский считал возможным научное доказательство существования божественного начала в природе; корни этой его идеи можно отыскать в его юношеском фурьеризме. Исходя из целесообразности явлений органического мира, мыслитель утверждал, что строение организмов определяется внутренним идеальным структурным планом, являющимся компонентом божественного начала, и что идеальный структурный план присущ не только природным, но и социальным образованиям – именно последнее утверждение придавало данному положению статус научного. Критикуя Ч. Дарвина и дарвинизм, Н.Я. Данилевский разработал основополагающую типологию, принципы отождествления органических и социально-исторических образований и концепцию фаз существования социально-органических структур как частного случая «органического» существования. Монография об опровержении дарвинизма осталась незавершенной, но именно на этой фундаментальной основе выросла «Россия и Европа». Как справедливо отмечал С.И. Бажов, теория Н.Я. Данилевского является крайне неоднородным образованием, в котором совмещались научные и вненаучные представления при господстве методологии натурализма

³ Имеется в виду, что воздействие одного вида цивилизации на другой возможно в форме колонизации, прививки или свободного отношения народов одного типа к результатам деятельности другого при сохранении политической независимости и самобытности.

и априорная абсолютизация особенных черт исторического процесса. Примером последнего является принятие тезиса о религиозно-мессианском уделе избранных народов [6, с. 191–197].

В данном контексте следует подчеркнуть ценность исследования Ю.В. Кузнецова и И.Ю. Салминой, поместивших историософию Н.Я. Данилевского в рамки немецкой «философии жизни». Их важнейшим выводом является следующий: современный читатель сознательно или бессознательно воспринимает цивилизационную концепцию Н.Я. Данилевского – О. Шпенглера через призму ницшеанского умонастроения (вообще-то авторам концепции не присущего), из чего следует, что концепция культурно-исторических типов – это теоретическое и методологическое обоснование ницшеанской критики европейской культуры. В свою очередь, генеалогию «философии жизни» следует выводить от И. Гёте, который противопоставлял «мир-механизм» «миру-организму», то есть выдвинул фундаментальный для немецкой философии методологический постулат, противопоставляющий историческое познание и научно-объективное знание о природе как знание об индивидуально-неповторимом (история) и познание повторяющихся явлений физического мира, проверяемых опытом. При этом общее и более высокое понятие «жизнь» остается неопределенным в силу невозможности определения его извне. «...Когда Н.Я. Данилевский говорит о том, что к истории неприменимы традиционные научные методы познания, он имеет в виду именно механицизм. Когда же на историю распространяется органицизм, то вопрос о том, насколько этот метод исследования живой природы применим и к истории, специально не обсуждается» [7, с. 249].

При попытке Н.Я. Данилевского извлечь характерные черты культурно-исторических типов из исторической действительности происходит ярко выраженная психологическая редукция. Выясняется, в частности, что общей чертой всех народов германо-романского типа является «насильственность – чрезмерно развитое чувство личности, индивидуальности, по которому человек ставит свой образ мыслей, свой интерес так высоко, что всякий иной интерес необходимо должен ему уступить, волей или неволей. Такое навязывание своего образа мыслей другим, такое подчинение своему интересу даже не кажется с точки зрения гипертрофированного индивидуализма, гипертрофированного чувства собственного достоинства чем-либо несправедливым. Оно представляется как естественное подчинение низшего высшему, в некотором смысле даже как благодеяние этому низшему» (Р.Е., с. 216). Существенную черту английского национального характера составляет «любовь к самодеятельности», которая превращает всю жизнь в «свободное соперничество». Это выразилось и в национальной философии: Т. Гоббс создал теорию образования человеческого общества на войне всех против всех; А. Смит – экономическую теорию свободного соперничества, Ч. Дарвин – теорию борьбы за существование (Р.Е., с. 169–170).

Наблюдая за событиями, разворачивающимися в течение 2022 г., иначе как пророческим нельзя воспринимать следующий прогноз Н.Я. Данилевского: «Если же – наперекор истории, наперекор мнению и желанию самой Европы, наперекор внутреннему сознанию и стремлениям своего народа – Россия все-таки захочет причислиться к Европе, то ей, чтобы быть логической и последовательной, ничего другого не остается, как отказаться от самого политического

патриотизма, от мысли о крепости, цельности и единстве своего государственного организма...» (Р.Е., с. 86). Именно так: сейчас перед всеми участниками всемирно-исторического процесса поставлена простая и оттого мертвящая альтернатива: либо полностью отказаться от «самости» и присоединиться к господствующей повестке (с полусотней гендеров и переходом к «зеленой» экономике, по своей сути противоречащей принципу прогресса, декларированием равных прав и повышения уровня жизни), либо оказаться изгоем со всеми вытекающими. В любом случае речь идет об ассимиляции и тоталитарных методах принуждения при внешнем пафосе толерантности. «Настоящая глубокая опасность заключается именно в осуществлении того порядка вещей, который составляет идеал наших западников: в воцарении не мнимой, а действительной, столь любезной им общечеловеческой цивилизации. Это было бы равнозначительно прекращению самой возможности всякого дальнейшего преуспевания или прогресса в истории – внесением нового мирозерцания, новых целей, новых стремлений, всегда коренящихся в особом психическом строе выступающих на деятельное поприще новых этнографических элементов» (Р.Е., с. 510).

Для нашего исследования сказанного достаточно.

Натурализм, Обломовка/Головлёво и казус М.Е. Салтыкова-Щедрина

Внимательный читатель, применив структурно-функциональный метод, подметит известные параллели в «Письме 1-м» И.А. Гончарова (вошедшем в первую главу первого тома «Фрегата “Паллада”») и очерке «Семейные итоги», составившем третью главу «Господ Головлёвых». Сразу оговоримся, что опыт непосредственного восприятия Запада роднит Н.Я. Данилевского с И.А. Гончаровым, а не М.Е. Салтыковым. Иван Александрович описывал Великобританию на основе непосредственных впечатлений, но они в его жизни были единственными. Равно и Н.Я. Данилевский, объездив почти все уголки Европейской России, уже на излёте жизни зимой 1880/1881 гг. побывал во Франции не как праздный турист, а занимаясь проблемой филлоксерной эпидемии на виноградниках⁴. Таким образом, наибольшим «европейцем» среди анализируемых нами писателей оказывается как раз М.Е. Салтыков-Щедрин. В мемуарах его сына, К.М. Салтыкова, содержится по этому поводу примечательный пассаж: «Полечившись в Германии, папа обыкновенно ездил в Париж и, насколько хватало сил, жил его уличной и театральной жизнью, забрасывая временно всякую работу. <...> Все удивлялись той перемене, которая происходила в нем, когда он ощущал под ногами асфальт парижских бульваров. Он становился жизнерадостными, и обычная суровость неизвестно куда исчезала.

– Я, – как-то сказал он кому-то при мне, – тут перерождаюсь. Ну, а там... махнул рукой, очевидно, намекая на Россию, – я старая, разбитая рабочая кляча. И все же, – без нее (т. е. без России) я обойтись не могу... И умру с радостью, служа ей...» (И.Щ., с. 50).

Вернемся к «Господам Головлёвым». Рассматриваемый нами очерк (глава) «Семейные итоги» публиковался в «Отечественных записках» в 1876 г. как

⁴ Удобная сводка всех путешествий Н.Я. Данилевского приведена в предисловии к переизданию *Страхов Н. Жизнь и труды // Данилевский Н.Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому*. СПб.: Тип. Пантелеевых, 1895. С. XII–XIX.

XVIII часть «Благонамеренных речей». Сохранилась и авторская рукопись, текст которой полностью совпадает с журнальной публикацией (Г.Г., с. 683). Текст был от начала до конца написан в Ницце, что объясняет привлечший нас «французский» фрагмент. Как это часто бывало в русской литературе, дистанция от изображаемого предмета позволяла писателю изобразить большой контраст. Позволим себе объемное цитирование:

«Не надо думать, что Иудушка был лицемер в смысле, например, Тартюфа или любого современного французского буржуа, соловьем рассыпающегося по части общественных основ. Нет, ежели он и был лицемер, то лицемер чисто русского пошиба, то есть просто человек, лишенный всякого нравственного мерила и не знающий иной истины, кроме той, которая значится в азбучных прописях. <...> Все это такие отрицательные качества, которые отнюдь не могут дать прочного материала для действительного лицемерия.

Во Франции лицемерие вырабатывается воспитанием, составляет, так сказать, принадлежность “хороших манер” и почти всегда имеет яркую политическую или социальную окраску. Есть лицемеры религии, лицемеры общественных основ, собственности, семейства, государственности, а в последнее время народились даже лицемеры “порядка”. Ежели этого рода лицемерие и нельзя назвать убеждением, то, во всяком случае, это – знамя, кругом которого собираются люди, которые находят расчет полицемерить именно тем, а не иным способом. Они лицемерят сознательно, в смысле своего знамени, то есть и сами знают, что они лицемеры, да, сверх того, знают, что это и другим небезызвестно. В понятиях француза-буржуа вселенная есть не что иное, как обширная сцена, где дается бесконечное театральное представление, в котором один лицемер подает реплику другому. Лицемерие, это – приглашение к приличию, к декоруму, к красивой внешней обстановке, и что всего важнее, лицемерие – это узда. Не для тех, конечно, которые лицемерят, плавая в высотах общественных эмпиреев, а для тех, которые нелицемерно кишат на дне общественного котла. Лицемерие удерживает общество от разнузданности страстей и делает последнюю привилегией лишь самого ограниченного меньшинства. <...>

Мы, русские, не имеем сильно окрашенных систем воспитания. Нас не муштруют, из нас не вырабатывают будущих поборников и пропагандистов тех или других общественных основ, а просто оставляют расти, как крапива растет у забора. Поэтому между нами очень мало лицемеров и очень много лгунов, пустосвятов и пустословов. Мы не имеем надобности лицемерить ради каких-нибудь общественных основ, ибо никаких таких основ не знаем, и ни одна из них не прикрывает нас. Мы существуем совсем свободно, то есть прозябаем, лжем и пустословим, сами по себе, без всяких основ» (Г.Г., с. 101–103).

В этом месте напрашивается цитирование В.В. Розанова, которое протянет интеллектуальный мост к нашей современности. Во-первых, из «Опавших листьев»: «У француза – “chère France”, у англичан – “Старая Англия”. У немцев – “наш старый Фриц”. Только у прошедшего русскую гимназию и университет – “проклятая Россия”. Как же удивляться, что всякий русский с 16-ти лет пристает к партии “ниспровержения государственного строя”. Щедрин смеялся над этим. “Девочка 16-ти лет задумала сокрушение государственного строя. Хи-хи-хи! Гого-го!” Но ведь Перовская почти 16-ти лет командовала 1-м марта. Да и сатирик

отлично все это знал. – “Почитав у вас об отечестве, десятилетний полезет на стену”. У нас слово “отечество” узнается одновременно со словом “проклятие”» (Р.У.1, с. 265). И во-вторых, – возвращаясь к литературоцентризму и щедриноведению А.В. Неклюдова, – из «Апокалипсиса нашего времени»: «Мы, в сущности, играли в литературе. “Так хорошо написал”. И все дело было в том, что “хорошо написал”, а что “написал” – до этого никому дела не было. По содержанию литература русская есть такая мерзость, – такая мерзость бесстыдства и наглости, – как ни единая литература. В большом Царстве, с большою силою, при народе трудолюбивом, смышленном, покорном, что она сделала? Она не выучила и не внушила выучить – чтобы этот народ хотя научили гвоздь выковывать, серп исполнить, косу для косьбы сделать (“вывозим косы из Австрии”, – география). Народ рос совершенно первобытно с Петра Великого, а литература занималась только, “как они любили” и “о чем разговаривали”. И все “разговаривали” и только “разговаривали”, и только “любили” и еще “любили”. Никто не занялся тем... что в России нет ни одного аптекарского магазина, т. е. сделанного и торгуемого русским человеком, – что мы не умеем из морских трав извлекать иоду, а горчишники у нас “французские”, потому что русские всечеловеки не умеют даже намазать горчицы разведенной на бумаге с закреплением ее “крепости”, “духа”. Что же мы умеем? А вот, видите ли, мы умеем “любить”, как Вронский Анну, и Литвинов Ирину, и Лежнев Лизу, и Обломов Ольгу» (Р.У.2, с. 394)⁵.

Это чрезвычайно важный момент. Коль скоро прозвучала фамилия Обломова, вернемся к остранению как методу, чрезвычайно распространенному в русской культуре: «Птица-тройка» Н.В. Гоголя рождалась в Риме, и в Вечный же город М.А. Врубель ездил писать сакраментальные березки. Ивану Александровичу понадобилось кругосветное путешествие с длительным пребыванием в Китае и Японии, чтобы «кристаллизовалась» Обломовка [9, с. 220]. Первый подход к этому сюжету был писателем сделан в письме из Лондона, в котором с хорошо знакомой нам сатирической интонацией помещен диптих деятельного англичанина из Сити и не названного по имени хозяина Егорки и Парашки. Не случайно мимоходом оброненное: «Между тем общее впечатление, какое производит наружный вид Лондона, с циркуляциею народонаселения, странно: там до двух миллионов жителей, центр всемирной торговли, а чего бы вы думали не заметно? – жизни, то есть ее бурного брожения. Торговля видна, а жизни нет: или вы должны заключить, что здесь торговля есть жизнь, как оно и есть в самом деле» (Ф.П., с. 40). Так появляется типический англичанин-машина, который поднимается утром по механическому будильнику (потому что «слуги дóроги в Лондоне»), далее «по одной таблице припоминает, какое число и какой день сегодня, справляется, что делать», поскольку «ему надо побывать в банке, потом в трех городах, поспеть на биржу, не опоздать в заседание парламента» (Ф.П., с. 49). Напрашивается

⁵ Можно провести параллели с еще одним русским писателем, который до революции занимал периферийное, если не маргинальное положение в литературе, – В.Г. Янчевецким, известным в советское время под псевдонимом «В. Ян». В выпущенной в 1908 г. книге «Воспитание сверхчеловека» он демонстрировал (в терминологии Л.Э. Разгона) «плохо переваренное нищезанство». Ключевые идеи В.Г. Янчевецкого вполне сопоставимы с высказываемыми Н.Я. Данилевским, в частности в противопоставлении античного и новейшего европейского идеала воспитания, того, что «России еще нет, Россия еще будет». Чтобы добиться последнего, «русских детей должно воспитывать для грядущей борьбы на всех поприщах жизни, к чему существующая школьная система совершенно не готова» (цит. по [8, с. 62–63]).

параллель с гениальным диалогом мальчиков – в штанах и без штанов – в щедринском «За рубежом»: «У нас, брат, шаром покати, да зато занятно...» (З.Р., с. 40). Поначалу у И.А. Гончарова Штольц должен был осуществлять цивилизаторскую миссию не в отношении одного только Обломова, но и целой Сибири, однако писательского чутья и такта хватило убрать эту линию из окончательного текста романа [9, с. 218–219]. Подозреваем, что ее сохранение не привело бы ни к чему, кроме очередной сатиры. В этой связи необходимо поговорить о натурализме и либерализме в салтыковском преломлении.

А.С. Бушмин считал возможным сравнивать творчество Э. Золя и М.Е. Салтыкова, утверждая, что их литературный статус в национальных культурах был одинаковым. И тот и другой существенно расширили социальную сферу реализма. Выдвигались и прямые аналогии «Головлёвы – Ругон-Маккары», хотя, по-видимому, имели место и прямые взаимовлияния. Речь не о типологических сближениях. Из семи глав «Господ Головлёвых» четыре полностью и пятая частично были написаны во время заграничного путешествия 1875–1876 г., соответственно и в переписке этого времени суждения об Э. Золя перемежаются с собственными творческими замыслами. В мае 1876 г. цикл об Иудушке был окончательно выделен из «Благонамеренных речей», превратившись в самостоятельное произведение. Однако биологизма, свойственного французскому писателю, у М.Е. Салтыкова не было и в помине, что следует из соответствующих пассажей «За рубежом» [3, с. 356–357].

Подавляющее большинство критиков, несмотря на разные оговорки, рассматривали М.Е. Салтыкова-Щедрина как представителя либерального лагеря. На современном уровне данный вопрос изучил С.Ф. Дмитренко, который, на наш взгляд, совершенно справедливо обозначил оригинальность воззрений писателя. С точки зрения литературоведа, «Салтыков различал истинное свободолобие и свободомыслие, которое, однако, не называл либерализмом, ибо в его словаре с *либерализмом* и *либеральным*⁶ связываются его разнообразные имитации едва ли не во всех сферах жизни» [1, с. 441]. Трактовка свободы М.Е. Салтыковым-Щедриным достаточно своеобразна, ибо, как и Н.Я. Данилевский, он исходит из несуществования так называемых общечеловеческих ценностей, поскольку всякий образ жизни (и образ правления) имеет глубочайшую культурную обусловленность. Статья 4 «Декларации прав человека и гражданина» гласит: «Свобода состоит в возможности делать всё, что не вредит другому» (Декл., с. 28). Иудушка Головлёв, который, если верить автору, тридцать лет провел на государственной службе⁷, весьма оригинально воспользовался свободой: «Запершись в деревне, он сразу почувствовал себя на свободе, ибо нигде, ни в какой иной сфере, его наклонности не могли бы найти себе такого простора, как здесь. В Головлёве он ниоткуда не встречал не только прямого отпора, но даже малейшего косвенного ограничения, которое заставило бы его подумать: вот, дескать, и напакостил бы, да людей совестно. Ничье суждение не беспокоило,

⁶ Курсив С.Ф. Дмитренко. – *Ю.М., Д.М.*

⁷ В комментарии к полному собранию сочинений М.Е. Салтыкова-Щедрина особо отмечен авторский сдвиг по хронологии: 53-летний Иудушка, находящийся уже десять лет в отставке, никак не мог выработать тридцатилетний административный «стаж». Однако в ходе подготовки отдельного издания романа при всей тщательной авторской работе Михаил Евграфович не стал исправлять анахронизм (Г.Г., с. 683).

ничей нескромный взгляд не тревожил, – следовательно, не было повода и самому себя контролировать» (Г.Г., с. 103). При этом привычные ему бюрократические формы отношений с действительностью были перенесены и в Головлёво: «...Завел очень сложную отчетность, денежную и материальную: каждую копейку, каждую вещь заносил в двадцати книгах, подводил итоги, то терял полкопейки, то целую копейку лишнюю находил. Наконец брался за перо и писал жалобы к мировому судье и к посреднику. Всё это не только не оставляло ни одной минуты праздной, но даже имело все внешние формы усидчивого, непосильного труда. <...> Собственно говоря, он не знал даже, что делается у него в хозяйстве, хотя с утра до вечера только и делал, что считал да учитывал. В этом отношении он имел все качества закоренелого департаментского чиновника» (Г.Г., с. 104–105). При этом имение его вполне процветающее, и хозяйство работает «как часы» без всякого участия хозяина.

В этом месте следует обратиться к параллелям между наследником Головлёвым и Тартюфом. Комментарий Е.И. Покусаевой и В.В. Прозорова к полному собранию сочинений, на наш взгляд, существенно обедняет контекст. Сведение цитированного выше пассажа о лицемерии к «особой форме социального и духовного разложения класса, исторически себя изжившего и отравляющего атмосферу миазмами гниения» (Г.Г., с. 662) выполнено благонамеренно – по-советски, но ничего для понимания текста и выявленных нами интертекстуальных связей не дает. Это же касается формулы «Иудушка персонифицирует как бы общую черту жизни собственников, эксплуататоров, которых весь ход исторического развития выталкивает из колеи здоровой, разумной, полезно-производительной деятельности» (Г.Г., с. 663).

Думается, гораздо плодотворнее рассматривать указанные фрагменты в культурно-историческом контексте, как у Н.Я. Данилевского. Подтверждение находим в книге «За рубежом», где многократно проводится сравнение умирающего хозяйства Петергофского уезда (а хотя бы и Пензенской губернии) с процветающим прусским взморьем в окрестностях Кенигсберга (З.Р., с. 13–16). Разумеется, писатель-дворянин обращается к социальному кругу образованных читателей, которые и составляли его аудиторию: «...В России в наше время очень редко можно встретить довольного человека (конечно, я разумею исключительно культурный класс, так как некультурным людям нет времени быть недовольными)» (З.Р., с. 19)⁸. Но писатель находится в той же парадигме неприятия пустого «европейничания» как не дающего стране ничего⁹. Причина понятна: романо-германский культурно-исторический тип основан на принципиально иных основах, и прививка западной «пай-дейи» приведет только к желанию ниспровержения отечества своего. Проблема коренится именно в отсутствии в России «окрашенной системы воспитания».

⁸ Естественно, что сводить эту формулу великого писателя только лишь к общественным настроениям 70–80-х годов XIX в. (З.Р., с. 561) – крайнее обеднение замысла и смыслового поля «За рубежом». Исторический контекст сохраняется всецело.

⁹ Собственно, знаменитый диалог мальчика в штанах с мальчиком без штанов, написанный в Париже и вызвавший ожесточенную полемику тогдашних либералов с народниками, содержал недвусмысленные выпады против Пушкинской речи Ф.М. Достоевского, которую М.Е. Салтыков-Щедрин категорически не принял (З.Р., с. 563–564). Не менее примечательно, как И.С. Аксаков воспринял содержание данного диалога со славянофильских позиций: «Щедрин в двух словах выразил нашу славянофильскую мысль: Гехту крестьянин свою душу продал и договор написал, а Колупаеву даром отдал, следовательно, во всякое время назад взять может» (цит. по (З.Р., с. 564)).

В конце концов, античная цивилизация (которую и Н.Я. Данилевский, и О. Шпенглер всеми силами пытались отделить от новоевропейской) основывалась на культе Муз, «друзьями» которых сделались римские императоры эпохи домината. Высокий уровень культуры прочно ассоциировался с властью и единством имперского пространства. При этом (фактор, который не осознавал Н.Я. Данилевский) государство зависело от провинциальных элит, так называемого «гражданского общества», а эффективность власти от степени взаимопонимания представителя администрации и городской элиты. Среднестатистический губернатор обладал меньшим статусным «весом» и авторитетом, нежели представители местных владетельных родов, которые сами по себе стремились сделать карьеру при императорском дворе, служили в бюрократическом аппарате. Иными словами, то, что М.Е. Салтыков-Щедрин называл «лицемерием», действительно было декорумом действенного механизма взаимодействия чиновной машины и местных элит Запада. Отсюда широчайшее использование договорно-правовых механизмов, традиционной риторики и прочих средств убеждения. Единство культурной традиции, языка и средств выражения облегчало заключение альянсов [10, р. 30–37].

Ко времени написания «За рубежом» М.Е. Салтыков-Щедрин разуверился во всех интеллектуальных и социальных системах, не видя никаких возможностей привить «передовые формы» политики и экономики на скудной отечественной почве. Чего стоит одно только определение «бонапартизма» («Под “бонапартистом” я понимаю вообще всякого, кто смешивает выражение “отечество” с выражением “ваше превосходительство” и даже отдает предпочтение последнему перед первым. Таких людей во всех странах множество, а у нас до того довольно, что хоть лопатами огребай» (З.Р., с. 11)), не говоря о коронном рассуждении, что Русь всё перетерпит, включая «петербургское просветительское озорство и закрепощение. Всё выстрадала и за всем тем осталась загадочною, не выработав самостоятельных форм общежития» (З.Р., с. 541).

Таким образом, нами продемонстрирована единая матрица восприятия различий между Россией и европейской цивилизацией на материале произведений Н.Я. Данилевского и М.Е. Салтыкова-Щедрина. Российский литературоцентризм в данном контексте был амбивалентен: задавая общие черты восприятия и оснований критики (в зависимости от политической ориентации – слева или справа и по разные стороны границы), он в целом признавал невозможность социального прогресса в России и конечную бесполезность любых общественных и правительственных усилий *sub specie finalis*¹⁰.

Источники

- Ф.П. – Гончаров И.А. Фрегат «Паллада»: очерки путешествия в 2 т. – Л.: Наука, 1986. – 880 с. (Литературные памятники)
- Р.Е. – Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. – М.: Ин-т рус. цивилизации: Благословение, 2011. – 816 с.

¹⁰ Лат. С точки зрения конца. – Ю.М., Д.М.

- Декл. – Декларация прав человека и гражданина // Тексты важнейших основных законов иностранных государств. Ч. 1: Основные законы Англии, французские конституции 1797, 1814 и 1830 годов и Бельгийская конституция / Пер. прив.-доц. Ф.Ф. Кокошкина. – М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1905. – VII, 109 с.
- Г.Д. – *Кузнецова Г.Н.* Грасский дневник: Последняя любовь Бунина. – М.: Астрель, Олимп, 2010. – 380 с.
- Р.У.1 – *Розанов В.В.* Опавшие листья // Розанов В.В. Уединенное. – М.: Политиздат, 1990. – С. 87–370. (Мыслители XX в.)
- Р.У.2 – *Розанов В.В.* Апокалипсис нашего времени // Розанов В.В. Уединенное. – М.: Политиздат, 1990. – С. 391–440. (Мыслители XX в.)
- Г.Г. – *Салтыков-Щедрин М.Е.* Господа Головлевы // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. – М.: Худож. лит., 1972. – Т. 13. – С. 5–262; коммент. С. 653–694.
- З.Р. – *Салтыков-Щедрин М.Е.* За рубежом / Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. – М.: Худож. лит., 1972. – Т. 14. – С. 5–243; коммент. С. 527–605.
- И.Щ. – *Щедрин К.М.* Интимный Щедрин. – М.; Пг.: Госиздат, 1923. – 80 с.
- И.Д. – *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем: 1872–1887 / Изд. подгот. А.В. Тихонова. – СПб.: Наука, 1999. – 714 с. (Литературные памятники)

Литература

1. *Дмитренко С.Ф.* Салтыков (Щедрин). – М.: Молодая гвардия, 2022. – 512 с.
2. *Дмитренко С.Ф.* Щедрин: незнакомый мир знакомых книг. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. – 96 с.
3. *Бушмин А.С.* Художественный мир Салтыкова-Щедрина. – Л.: Наука, 1987. – 366 с.
4. *Балуев Б.П.* Споры о судьбах России: Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа»: – Тверь: ИД «Булат», 2001. – 416 с.
5. *Рашковский Е.Б.* Данилевский Николай Яковлевич // Большая советская энциклопедия / Глав. ред. А.М. Прохоров. – М.: Сов. энцикл., 1972. – Т. 7: Гоголь – Дебит. – С. 527 (стлб. 1568–1569).
6. *Бажов С.И.* Философия истории Н.Я. Данилевского. – М.: ИФ РАН, 1997. – 316 с.
7. *Кузнецов Ю.В., Салмина И.Ю.* Философия истории Н.Я. Данилевского и западно-европейская мысль XIX – XX веков: особенности рецепции // Вестн. Мурман. гос. техн. ун-та. – 2011. – Т. 14, № 2. – С. 248–253.
8. *Просветов И.В.* Десять жизней Василия Яна: белогвардеец, которого наградили Сталин. – М.: Центрполиграф, 2017. – 287 с.
9. *Краснощекова Е.А.* Гончаров: Мир творчества. – СПб.: Пушкинский фонд, 1997. – 492 с.
10. *Brown P.* Power and Persuasion in Late Antiquity: Towards a Christian Empire. – Madison: Univ. of Wis. Press, 1992. – 192 p.

Поступила в редакцию
25.07.2022

Мартынова Юлия Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры алтаистики и китаеведения

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: juliemartynova82@gmail.com

Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор кафедры алтаистики и китаеведения

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: *dmitrymartynov80@mail.ru*

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2022, vol. 164, no. 6, pp. 139–152

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2022.6.139-152

N.Ya. Danilevsky and M.E. Saltykov-Shchedrin about Russia and Europe

Yu.A. Martynova^{}, D.E. Martynov^{**}*

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: **juliemartynova82@gmail.com, **dmitrymartynov80@mail.ru*

Received July 25, 2022

Abstract

This article discusses the essays by M.E. Saltykov-Shchedrin from his novels “The Golovlevs” and “Abroad” in the context of N.Ya. Danilevsky’s theory of cultural-historical types. Both of these writers can be defined as religious, though N.Ya. Danilevsky considered the possibility of proving the divine principle in nature using scientific methods. He identified specific cultural-historical types in world history as a manifestation of divine harmony, to which all world structures are subject. Definite political conclusions were drawn from this general construct: cultural-historical types of different genesis cannot interact or successfully transfer a system of values to each other. Russia’s attempt to join Europe, as viewed by N.Ya. Danilevsky, may only deprive it of political independence, “strength, integrity, and unity of the state organism.” M.E. Saltykov-Shchedrin, who had good knowledge of modern Germany and France “from the inside”, also developed a typology of the way of life and culture of Europe and Russia, but comprehended them satirically in the form of “philosophical buffoonery”. His reasoning about the absence of any native system for educating new generations in Russia and the negativism of “Europeanism” represents the viewpoint of writers of his time and subsequent eras, such as I.A. Goncharov, V.V. Rozanov, and V.G. Yanchevsky holding a relatively marginal position. Similarly to N.Ya. Danilevsky, M.E. Saltykov-Shchedrin denied the so-called universal values by assuming that the lifestyle and political system are largely shaped by cultural particularities.

Keywords: intellectual history, history of Russia in the 19th century, civilizational approach, Russia and Europe, N.Ya. Danilevsky, M.E. Saltykov-Shchedrin

References

1. Dmitrenko S.F. *Saltykov (Shchedrin)* [Saltykov (Shchedrin)]. Moscow, Molodaya Gvardiya, 2022. 512 p. (In Russian)
2. Dmitrenko S.F. *Shchedrin: neznakomyi mir znakomykh knig* [Shchedrin: The Unknown World of Familiar Books]. Moscow, Izd. Mosk. Univ., 1999. 96 p. (In Russian)
3. Bushmin A.S. *Khudozhestvennyi mir Saltykova-Shchedrina* [The World of Saltykov-Shchedrin’s Fiction]. Leningrad, Nauka, 1987. 366 p. (In Russian)
4. Baluev B.P. *Spory o sud’bakh Rossii: N.Ya. Danilevskii i ego kniga “Rossiya i Evropa”* [Disputes about the Fate of Russia: N.Ya. Danilevsky and His Book “Russia and Europe”]. Tver, ID “Bulat”, 2001. 416 p. (In Russian)

5. Rashkovskii E.B. Danilevsky Nikolay Yakovlevich. In: Prokhorov A.M. (Ed.) *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. Vol. 7: Gogol–Yield. Moscow, Sov. Entsikl., 1972, p. 527 (column 1568–1569). (In Russian)
6. Bazhov S.I. *Filosofiya istorii N.Ya. Danilevskogo* [N.Ya. Danilevsky's Philosophy of History]. Moscow, IF Ross. Akad. Nauk, 1997. 316 p. (In Russian)
7. Kuznetsov Yu.V., Salmina I.Yu. N.Ya. Danilevsky's philosophy of history and the Western European thought in the 19th–20th centuries: Peculiarities of reception. *Vestnik Murmanskogo Gosudarstvennogo Tekhnicheskogo Universiteta*, 2011, vol. 14, no. 2, pp. 248–253. (In Russian)
8. Prosvetov I.V. *Desyat' zhiznei Vasiliya Yana: belogvardeets, kotorogo nagradil Stalin* [Ten Lives of Vasily Yan: A White Guard Who Became the Stalin Prize Laureate]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2017. 287 p. (In Russian)
9. Krasnoshchekova E.A. *Goncharov: Mir tvorchestva* [Goncharov: The World of His Writings]. St. Petersburg, Pushkinskii Fond, 1997. 492 p. (In Russian)
10. Brown P. *Power and Persuasion in Late Antiquity: Towards a Christian Empire*. Madison, Univ. of Wis. Press, 1992. 192 p.

⟨ **Для цитирования:** Мартынова Ю.А., Мартынов Д.Е. Н.Я. Данилевский и М.Е. Салтыков-Щедрин о России и Европе // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2022. – Т. 164, кн. 6. – С. 139–152. – doi: 10.26907/2541-7738.2022.6.139-152. ⟩

⟨ **For citation:** Martynova Yu.A., Martynov D.E. N.Ya. Danilevsky and M.E. Saltykov-Shchedrin about Russia and Europe. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2022, vol. 164, no. 6, pp. 139–152. doi: 10.26907/2541-7738.2022.6.139-152. (In Russian) ⟩